

Κ ΤΡΑΚΤΩΚΕ ΟΠΡΕΔΕΛΕΝΙΑ ΠΕΡΙΠΕΤΕΙΙ Β “ΠΟΕΤΙΚΕ” ΑΡΙΣΤΟΤΕΛΙΑ*

Οπρεδελενιε περιπετεии издавна считаеся одним из самых сложных и спорных мест “Ποετικι”. Πρиведем его полностью¹ (Arist. *Poet.* 11, 1452 a 21–29):

”Εστι δὲ περιπέτεια μὲν ἢ εἰς τὸ ἐναντίον τῶν πραττομένων μεταβολὴ καθάπερ εἴρηται, καὶ τοῦτο δὲ ὡσπερ λέγομεν κατὰ τὸ εἶκος ἢ ἀναγκαῖον, οἷον ἐν τῷ Οἰδίποδι ἐλθῶν ὡς εὐφρανῶν τὸν Οἰδίπου καὶ ἀπαλλάξων τοῦ πρὸς τὴν μητέρα φόβου, δηλώσας ὅς ἦν, τοῦναντίον ἐποίησεν· καὶ ἐν τῷ Λυγκεῖ ὁ μὲν ἀγόμενος ὡς ἀποθανούμενος, ὁ δὲ Δαναὸς ἀκολουθῶν ὡς ἀποκτενῶν, τὸν μὲν συνέβη ἐκ τῶν πεπραγμένων ἀποθανεῖν, τὸν δὲ σωθῆναι.

Вокруг этого отрывка в науке ведутся споры по целому ряду вопросов.

Прежде всего, исследователи до сих пор не могут прийти к согласию по самому общему вопросу: как следует трактовать фразу ἢ εἰς τὸ ἐναντίον τῶν πραττομένων μεταβολή? Что, собственно, “переходит в свою противоположность” в перипетии? Байотер,² Элс³ и Коуп⁴ видят в этих словах просто указание на поворот судьбы героя от счастья к несчастью или от несчастья к счастью. В то же время Фален,⁵ а вслед

* В основе статьи – доклад, прочитанный на аспирантском семинаре кафедры классической филологии Санкт-Петербургского университета в ноябре 2000 г. Автор признателен А. Л. Верлинскому за помощь на всем протяжении работы над статьей, а также всем коллегам, замечания и предложения которых были нами учтены.

¹ Здесь и далее цитаты из “Ποετικι” приведены по изданию: *Aristotelis De arte poetica liber*. Rec. R. Kassel (Oxonii 1965).

² I. Bywater. On Certain Technical Terms in Aristotle's *Poetics* // *Festschrift Theodor Gomperz* (Wien 1902) 164–172.

³ G. Else. *Aristotle's Poetics: The Argument* (Cambridge, Mass. 1957) 343–348.

⁴ *The Rhetoric of Aristotle*, with comm. by E. Cope, I (Cambridge 1877) 219. Коуп пытается связать перипетию у Аристотеля с *καταστροφή* у Полибия (Polyb. III, 48, 237: ἐκείνοις (sc. τραγῳδιογράφοις) πᾶσιν αἱ καταστροφαὶ τῶν δραμάτων προσδέονται θεοῦ καὶ μηχανῆς διὰ τὸ τὰς πρώτας ὑποθέσεις ψευδεῖς καὶ παραλόγους λαμβάνειν). Однако нам кажется, что *καταστροφή* здесь соответствует не *περιπέτεια*, а *λύσις* у Аристотеля (cf. Arist. *Poet.* 14, 1454 b 1–2: φανερόν οὖν ὅτι καὶ τὰς λύσεις τῶν μύθων ἐξ αὐτοῦ δεῖ τοῦ μύθου συμβαίνειν, καὶ μὴ ὡσπερ ἐν τῇ Μηδείᾳ ἀπὸ μηχανῆς).

⁵ J. Vahlen. *Beiträge zu Aristoteles' Poetik* (Leipzig 1914) 34–36.

за ним Ф. Лукас⁶ и Каул⁷ видят в перипетии развитие действия, противоположное намерению деятеля. Интересную трактовку этого понятия предложила не так давно Э. Бельфьоре.⁸ По ее мнению, в перипетии обращению в свою противоположность подвергается οὐ ἔνεκα, causa finalis действия трагедии, которая может совпадать с целью героя, но может и отличаться от нее.

Наконец, в статье Гланвилля, основанной на неопубликованной заметке Корнфорда,⁹ высказана мысль, что в перипетии на противоположное меняется общее направление развития событий, представляющееся вероятным исходя из доводов здравого смысла. Видимо, нечто подобное имеет в виду и Бутчер,¹⁰ говоря о перипетии как о “серии происшествий или цепи событий, которая развивается в направлении определенного результата, но приводит к совершенно иному”¹¹ Мнение этих исследователей разделяем и мы, что и будет аргументировано ниже.

От вопроса о значении фразы εἰς τὸ ἐναντίον τῶν πραττομένων μεταβολή зависит другой: к какому месту “Поэтики” следует отнести ссылку καθάπερ εἴρηται в начале определения перипетии? Фаллен¹² предлагает связывать эти слова с *Poet.* 7, 1451 a 13–14: συμβαίνει εἰς εὐτυχίαν ἐκ δυστυχίας ἢ ἐξ εὐτυχίας εἰς δυστυχίαν μεταβάλλειν – “...происходит переход от несчастья к счастью или от счастья к несчастью”. Бельфьоре¹³ считает, что καθάπερ εἴρηται отсылает к *Poet.* 10, 1452 a 14–18 (λέγω δὲ ἀπλῆν μὲν πρᾶξιν ἧς γινόμενης ὡσπερ ὄρισται συνεχοῦς καὶ μιᾶς ἄνευ περιπετείας ἢ ἀναγνωρισμοῦ ἢ μετάβασις γίνεται, πεπλεγμένην δὲ ἐξ ἧς μετὰ ἀναγνωρισμοῦ ἢ περιπετείας ἢ ἀμφοῖν ἢ μετάβασις ἐστίν – “Я называю простым действие, как было определено, цельное и единое, в котором переход происходит без перипетии и узнавания, а сплетенным – то, в котором переход происходит через узнавание, перипетию или оба действия”). При этом Бельфьоре утверждает, что συνεχοῦς καὶ

⁶ F. L. Lucas. The Reverse of Aristotle // *CR* 34 (1923) 98–104.

⁷ N. Kaul. *Der Zufall und die Theorie des tragischen Handlungsablaufes bei Aristoteles*. Diss. (Köln 1965) 83–85.

⁸ E. Belfiore. Περιπέτεια as Discontinuous Action: Aristotle *Poetics* 11 // *CPh* 83 (1988) 183–194.

⁹ I. Glanville. Note on Περιπέτεια // *CQ* 41 (1947) 73–78.

¹⁰ *Aristotle's Theory of Poetry and Fine Art*. Transl. and Notes by S. H. Butcher (N. Y. 1951) 329–331.

¹¹ *Ibid.* 330: “I suggest, if I mistake not, a series of incidents or a train of action (τὰ πραττόμενα) tending to bring about a certain end but resulting in something wholly different”.

¹² *Aristotelis de arte poetica liber*. Rec. I. Vahlen (Lipsiae 1885) 25.

¹³ Belfiore. *Op. cit.*, 189–190.

μῖς в этом отрывке относится лишь к простому сюжету, а καθάπερ εἴρηται отсылает к утверждению, что сплетенный сюжет не является цельным и единым, которое Бельфьоре, на наш взгляд, ошибочно, вычитывает из *Poet.* 10, 1452 a 14–18.

Наконец, еще в XVIII в. Твининг¹⁴ предположил, что эти слова отсылают к тому месту гл. 9 “Поэтики”, где сказано, что события трагедии должны развиваться παρὰ τὴν δόξαν δι’ ἄλληλα. Приведем этот отрывок полностью (*Arist. Poet.* 9, 1452 a 1–10):

ἐπεὶ δὲ οὐ μόνον τελείας ἐστὶ πράξεως ἢ μίμησις ἀλλὰ καὶ φοβερῶν καὶ ἐλεεινῶν, ταῦτα δὲ γίνεται καὶ μάλιστα (καὶ μάλλον)¹⁵ ὅταν γένηται παρὰ τὴν δόξαν δι’ ἄλληλα· τὸ γὰρ θαυμαστὸν οὕτως ἕξει μάλλον ἢ εἰ ἀπὸ τοῦ αὐτομάτου καὶ τῆς τύχης, ἐπεὶ καὶ τῶν ἀπὸ τύχης ταῦτα θαυμασιώτατα δοκεῖ, ὅσα ὡσπερ ἐπίτηδες φαίνεται γεγονέναι, οἷον ὡς ὁ ἀνδριᾶς ὁ τοῦ Μίτυος ἐν Ἄργει ἀπέκτεινε τὸν αἰτίον τοῦ θανάτου τῷ Μίτυι, θεωροῦντι ἐμπεσῶν· εἴκοι γὰρ τὰ τοιαῦτα οὐκ εἰκῆ γίνεται· ὥστε ἀνάγκη τοὺς τοιοῦτους εἶναι καλλίους μύθους.

[Трагедия] есть подражание не просто законченному действию, но [событиям], вызывающим страх и сострадание, а это получается в наибольшей степени, когда события происходят одно вследствие другого вопреки мнению:¹⁶ ведь это будет удивительнее, чем [если события будут происходить] сами собой или случайно, так как и из случайных событий наиболее удивительными представляются те, которые кажутся случившимися как нарочно (например, статуя Мития в Аргосе убила виновника смерти Мития, упав на него, когда он смотрел [на нее]; ведь кажется, что такие вещи происходят не случайно). Поэтому подобные сюжеты по необходимости являются более прекрасными.

Эта гипотеза, спустя полтора века после Твининга, была еще раз высказана Корнфордом и Гланвиллем.¹⁷ Ее поддержали в своих авторитетных комментариях Д. Лукас¹⁸ и Дж. Элс.¹⁹ Некоторые исследователи, впрочем, до сих пор придерживаются других мнений: мы уже упоминали гипотезу Э. Бельфьоре.

¹⁴ *Aristotle's Treatise on Poetry*. Transl. and Comm. by T. Twining (London 1789) 84: 285–286.

¹⁵ Слова καὶ μάλλον, которые, по-видимому, являются интерполяцией, предлагал сохранять только Фален (*Aristotelis De arte poetica liber*. 23: 143), вставляя между καὶ μάλιστα и καὶ μάλλον слова <τοιαῦτα, εἴαν παρὰ δόξαν γένηται, ἐκπλήττει γὰρ μάλιστα>. Однако это смелое дополнение к тексту Аристотеля поддержки в науке не встретило.

¹⁶ Значение этих слов будет подробнее разобрано ниже.

¹⁷ Glanville. *Op. cit.*

¹⁸ Aristotle. *Poetics*. Ed., Comm. D. W. Lucas (Oxford 1968) 129–131.

¹⁹ Else. *Op. cit.*, 344.

Примеры перипетии, приводимые Аристотелем, также вызывают множество вопросов. Прежде всего, в примере из “Царя Эдипа” Софокла не совсем понятны слова ἐλθὼν ὡς εὐφρανῶν τὸν Οἰδίπου καὶ ἀπαλλάξων τοῦ πρὸς τὴν μητέρα φόβου: ведь Гонец из Коринфа, придя в Фивы (924 – 925), не мог еще знать об опасениях Эдипа, касающихся матери, – он узнал о них гораздо позже из разговора с Эдипом (994 – 996). Гудеман²⁰ и Байотер,²¹ обращая внимание на эту трудность, относят ее на счет lapsus memoriae. Д. Лукас,²² соглашаясь с ними, приводит в подтверждение *Rhet.* III, 1415 a 19, где в качестве строки из пролога того же “Царя Эдипа” цитируется ст. 774. Однако Элс,²³ Тернер²⁴ и Джанко²⁵ справедливо возражают на это, что Аристотель едва ли мог забыть подробности сюжета трагедии, которую считал образцом идеального σύστασις τῶν πραγμάτων, в то время как место в тексте отдельной строки, несущественное для сюжета, он мог и забыть. Чтобы спасти положение, Элс²⁶ вставляет артикль перед ἐλθὼν, и, переводя <ὁ> ἐλθὼν как ‘the messenger’, относит ὡς εὐφρανῶν καὶ ἀπαλλάξων не к этому слову, а к ἐποίησεν, с чем трудно согласиться. Бельфьоре²⁷ ставит запятую после τὸν Οἰδίπου, относя, таким образом, ὡς ἀπαλλάξων к δηλώσας, и переводит весь пассаж так: “<the messenger>, by coming to cheer Oedipus, and by showing who he was to free <him> from his fear concerning his mother, did the opposite”. Лукас²⁸ справедливо замечает, что такая трактовка окончательно запутывает синтаксис и без того непростого периода. Джанко²⁹ указывает на то, что у Гонца в разные моменты драмы были оба намерения, упомянутые Аристотелем: сначала он хотел обрадовать Эдипа вестью о том, что по смерти Полиба к нему переходит коринфский престол, а затем, когда Эдип рассказал ему о страшном оракуле, решил избавить его от опасений, касающихся матери. По мнению Джанко, Аристотель, “опуская детали”, упомянул эти два эпизода вместе. Однако даже это кажущееся заманчивым решение не снимает всех проблем: в примере из “Царя Эдипа” при целевом значе-

²⁰ Aristoteles. *Περὶ ποιητικῆς*. Mit Einl. und Komm. von A. Gudeman (Berlin 1934) 222.

²¹ Bywater. *Op. cit.*, 165.

²² Lucas. *Op. cit.*, 129 *ad loc.*

²³ Else. *Op. cit.*, 346–347.

²⁴ P. Turner. *The Reverse of Vahlen // CQ* 9 (1959) 207–215. esp. 208.

²⁵ Aristotle. *Poetics*. Ed. R. Janko (Indianapolis – Cambridge 1987) 95.

²⁶ Else. *Op. cit.*, 347.

²⁷ Belfiore. *Op. cit.*, 190.

²⁸ Lucas. *Op. cit.*, 129 *ad loc.*

²⁹ Janko. *Op. cit.*, 95 *ad loc.*

нии ὥς в центре внимания оказываются обманутое ожидание второстепенного персонажа.³⁰

Наконец, в примере из трагедии Теодекта “Линкей” трудно понять слова ἀγόμενος ὥς ἀποθανούμενος, относящиеся к Линкею. Конструкции ὥς с *participio futuri* обычно приписывают финальное значение: оно дает приемлемый смысл – “следуя, чтобы убить” – для соседней конструкции ἀκολουθῶν ὥς ἀποκτενῶν, относящейся к Данаю. Но, каков бы ни был сюжет утраченной трагедии Теодекта, трудно себе представить, чтобы Линкей *имел цель* быть убитым. Лукас³¹ обращает внимание на то, что ὥς с *participio futuri* может означать и намерение, и ожидание, и предлагает первое относить к Данаю, а второе – к Линкею.³² Нам, однако, кажется, что соседние конструкции следует переводить единообразно. Элс³³ и Лукас³⁴ указывают на то, что смысл был бы удовлетворительным, если бы речь шла об ожидании зрителя. Однако значение ὥς с *participio futuri* в греческом языке не позволяет говорить об ожидании не упомянутого в предложении лица. Тернер замечает по поводу значения ὥς с *participio futuri* в примерах перипетии: “Единственная интерпретация, которая дает смысл во всех четырех случаях, очень неопределенна: *находясь в ситуации, от которой можно ожидать, что она будет развиваться в обозначенном направлении*”.³⁵ Однако он не приводит параллелей для такой интерпретации ὥς с *participio futuri*.

Попытаемся разрешить перечисленные трудности, начиная с вопроса об интерпретации конструкции ὥς с *participio futuri*, ближе всего связанного с грамматикой и потому допускающего более или менее точный ответ.

Конструкция ὥς с *participio futuri*, кроме обычного для нее значения цели, может иметь также значение, близкое исходному сравнительному значению ὥς: “как тот, кто сделает что-то”, “так что похоже, что он сделает что-то”.³⁶ Пример такого употребления этой конструк-

³⁰ На эту трудность указывает Элс (*Op. cit.*, 345) и Лукас (130 *ad loc.*).

³¹ Lucas. *Op. cit.*, 130 *ad loc.*

³² *Ibid.*: “Danaus alone can have had intentions, while Lynceus had only unpleasant expectations”.

³³ Else. *Op. cit.*, 348.

³⁴ Lucas. *Op. cit.*, 130 *ad loc.*

³⁵ Turner. *Op. cit.*, 208: “The only interpretation that makes sense in all four cases is a very vague one: «Being in a situation which may be expected to lead to the development indicated»”.

³⁶ О значении этой конструкции см.: Ed. Schwyzer, A. Debrunner. *Griechische Grammatik* (München 1988) 397; H. W. Smyth, G. M. Messing. *Greek Grammar* (Harvard

ции находим у Софокла в “Царе Эдипе”, ст. 625.³⁷ Здесь Креонт говорит разгневанному Эдипу:

Ὡς οὐχ ὑπείξων οὐδὲ πιστεύσων λέγεις;³⁸

Ты говоришь как тот, кто не будет уступать и верить?

Другой пример такого значения ὡς *cum participio futuri*, чрезвычайно-но близкий аристотелевскому ἀγόμενος ὡς ἀποθανούμενος, находим у Синесия (Synes. *Epist.* 113, 13–19 [= *Suda* A 3321]):³⁹

ἀποθνήσκοντας ὡς ἐπίπαν ἐν τοῖς τοιοῦτοις ὀρῶ τοὺς περὶ πλείστου ποιουμένους τὸ ζῆν καὶ ζῶντας ὅσοι τοῦ ζῆν ἀπεγνώκεσαν. τούτων ἔσομαι· μαχοῦμαι γὰρ ὡς ἀποθανούμενος, καὶ εὐ οἶδ' ὅτι περιέσομαι. Λάκων γὰρ ἄνωθὲν εἰμι καὶ οἶδα τὴν πρὸς Λεωνίδα ἐπιστολὴν τῶν τελεῶν ‘μαχέσθων ὡς τεθναζόμενοι καὶ οὐ τεθνάξονται’.

Я вижу, что в таковых <войнах> обыкновенно погибают те, то выше всего ценит жизнь, а выживают те, что жизнь презрели. Я буду среди этих последних. Буду сражаться насмерть и уверен, что останусь в живых. Ибо по происхождению я лаконец и знаю послание властей к Леониду: “пусть бьются насмерть, и не погибнут”.

Здесь выражения ὡς ἀποθανούμενος и ὡς τεθναζόμενος не означают, конечно, совет биться “для того, чтобы умереть”: воин, по словам Синесия, должен сражаться “как тот, кто считает себя обреченным на смерть” (русское “сражаться насмерть” имеет близкое значение). Таким образом, ὡς здесь имеет почти сравнительное значение.

Даже когда ὡς *cum participio futuri* имеет значение цели, ὡς часто сохраняет легкий оттенок, близкий тому, о котором мы говорим: “действовал так, что было ясно, что он намеревается...”, “действовал

³⁷ 1968) 464: R. Kühner. B. Gerth. *Ausführliche Grammatik der griechische Sprache* (Leverkusen ⁴1955 [=1904]) II, 90–92; W. W. Goodwin. *The Syntax of the Moods and Tenses of the Greek Verb* (N. Y. 1955 [¹1875]) 342–343.

³⁷ Здесь и далее цитаты из Софокла приводятся по изданию: *Sophoclis Fabulae*. Rec. H. Lloyd-Jones et N. G. Wilson (Oxonii 1990).

³⁸ Во всех рукописях эта реплика принадлежит Эдипу, а предыдущая – ὡς ἂν προδείξῃς οἷόν ἐστι τὸ φθνεῖν – Креонту. Но в таком виде смысл диалога трудно понять. Уже Джебб предлагает считать ст. 625 репликой Креонта (Sophocles. *The Oedipus Tyrannos*. Ed., comm. R. Jebb [Cambridge ¹¹1958] 72 *ad loc.*). Это же мнение было высказано Зелинским (Ф. Ф. Зелинский. Заметки к трагедиям Софокла // *ЖМНП* 1892: ОКФ, авт., 29–31). Камербекс выражает осторожное согласие с Джеббом, хотя не во всем одобряет его аргументацию (J. Kamerbeek. *The Plays of Sophocles*. IV. *The Oedipus Tyrannos* [Leiden 1967] *ad loc.*). Нам же аргументация Джебба кажется вполне убедительной, а получающийся смысл – удовлетворительным.

³⁹ Цитата приводится по изданию: Synésios de Cyrène. *Correspondance* III. Texte établi par A. Garzya (Paris [coll. Budé] 2000).

как тот, кто собирается...”. Гудвин⁴⁰ подчеркивает, что речь в этой конструкции чаще всего идет об очевидной для всех, явно демонстрируемой цели.

В сравнительном значении конструкция ὡς cum participio futuri родственна сравнительной конструкции ὡς (ὡς εἰ) с причастием глагола желания или движения, встречающейся у Гомера.⁴¹

И. XXIV, 328:

πόλλ' ὀλοφύρομενοι ὡς εἰ θάνατόνδε κίοντα.

“Много оплакивая его, как идущего на смерть” (т. е. как если бы он шел на смерть).⁴²

Od. X, 295 (= 322):

Κίρκη ἐπαΐξαι ὡς τε κτάμεναι μενεαίωνων.

“Ты набросился на Кирку, словно стремящийся ее убить”.

По нашему мнению, именно в значении подобия, ложной видимости следует понимать конструкции ὡς cum participio futuri в примерах перипетии, приводимых Аристотелем. Тогда упомянутая трудность, связанная с “намерением” Линкея умереть, будет снята. Перевод фразы о Линкее будет выглядеть примерно так: “...и в “Линкее”, когда одного уводят, как обреченного на смерть (т. е. так, что кажется, что он погибнет), а другой, Данай, следует за ним, как тот, кто убьет его (т. е. так, что кажется, что он убьет его)”.

Интересно, что наиболее чуткие переводчики – даже те из них, кто в своем комментарии настаивает на иной трактовке ὡς cum participio futuri – передают смысл этой фразы именно таким образом. Например, Элс⁴³ переводит эти слова так: “and in the *Lynceus*, the hero being led off as though to execution, and Danaus following him as if to perform the execution”.⁴⁴

⁴⁰ Goodwin. *Op. cit.* 342–343.

⁴¹ *Ibid.*, 344–346.

⁴² В переводе Гнедича: “Плача о нем неутешно, как будто на смерть отходящем”.

⁴³ Else. *Op. cit.* 342.

⁴⁴ Следует отметить, однако, что в этом переводе Элс опирается на собственную оригинальную реконструкцию сюжета трагедии Теодекта. По мнению Элса (*ibid.*, 521–522), в этой трагедии Данай, похитив Абанта, сына Линкея, обвинил Линкея в убийстве ребенка. Линкей был приговорен к смерти, но по пути на казнь им встретился живой и здоровый Абант, что и повлекло за собой перипетию, оправдание Линкея и казнь Даная. Эта реконструкция кажется нам неприемлемой хотя бы потому, что такую перипетию Аристотель не мог бы назвать мотивированной предшествующими событиями (а мы помним, что о перипетии в “Линкее” Аристотель пишет, что она συνέβη ἐκ τῶν

Такая трактовка конструкции *ὡς cum participio futuri* позволяет решить также упомянутые выше трудности, связанные с первым аристотелевским примером перипетии – из “Царя Эдипа” Софокла. Слова о Гонце: *ἐλθὼν ὡς εὐφρανῶν τὸν Οἰδίπου καὶ ἀπαλλάξων τοῦ πρὸς τὴν μητέρα φόβου* мы предлагаем переводить как “придя *как будто* для того, чтобы обрадовать Эдипа и избавить его от страха, касающегося матери”. Здесь не сказано, что Гонец имел намерение избавить Эдипа от тревог, вызванных пророчеством, о котором он, Гонец, еще ничего не знал: сказано лишь то, что, когда Гонец пришел, казалось, что его приход принесет благо, что он обрадует и избавит от страха.⁴⁵ Наше мнение подтверждает и то, что у Софокла не только сам Гонец заявляет, что пришел с доброй вестью (Soph. OT 932–934: *Ἰο. Ἀλλὰ φράζ' ὄτου χρήζων ἀφίξει χῶ τι σημῆναι θέλων. ΑΓ. Ἀγαθὰ δόμοις τε καὶ πόσει τῷ σῶ, γύναι. “Иокаста: Но скажи, с какой целью ты пришел и что желаешь объявить? Гонец: Благо дому и мужу твоему, жена”*), но и все остальные персонажи убеждены, что сообщение Гонца может послужить для Эдипа только ко благу и славе. Сам Эдип, решивший после сообщения Гонца узнать всё о своем происхождении, выражает веру в благой для себя исход этих изысканий (Soph. OT 1080–1081):

Ἐγὼ δ' ἐμαυτὸν παῖδα τῆς Τύχης νέμων
τῆς εὐ διδούσης οὐκ ἀτιμασθήσομαι.

Я же, сыном Судьбы себя полагая, благо дающей, посрамлен не буду.

Того же мнения придерживается и Хор, как это видно уже из первых строк следующей за этой репликой Эдипа песни (Soph. OT 1086–1093):

ΧΟ. Εἴπερ ἐγὼ μάντις εἰ-
μὶ καὶ κατὰ γνώμαν ἴδρις
οὐ τὸν Ὀλυμπον ἀπειρών,
ὦ Κιθαιρών, οὐκ ἔση τὰν αὔριον
πανσέληνον, μὴ οὐ σέ γε καὶ πατριώταν
Οἰδίπου
καὶ τροφὸν καὶ ματέρ' αὔξειν,
καὶ χορεύεσθαι πρὸς ἡ-

πετραγμένον): исключительно своевременно “воскресший” Абант играет в реконструкции Элса роль, близкую *deus ex machina* (cf. Arist. *Poet.* 14, 1454 a 35–36), его “воскресение” предшествующим действием никак не мотивировано. Однако значение конструкции *ὡς cum participio futuri* в переводе Элса, как нам кажется, передано верно.

⁴⁵ И вновь перевод Элса (*ibid.*, 342) близок тому, что предлагаем мы: “the Messenger, who has arrived, *when it seems that he will make Oedipus happy and relieve him from his fears towards his mother...*”

μῶν ὡς ἐπίηρα φέροντα
τοῖς ἐμοῖς τυράννοις.

Если я прорицатель и так сведущ, как я думаю, не быть тебе. Киферон, клянусь Олимпом, пустым на завтрашнее полнолуние – мы, конечно, будем величать тебя как родину, кормилицу и мать Эдипа и чтить тебя хороводами как принесшего благо моим владыкам.

Иокаста же заявляет, что сообщение, принесенное Гонцом, должно навсегда упразднить веру в оракулы (Soph. OT 946–947):

ᾠ θεῶν μαντεύματα
ἴν' ἐστέ.

О вещания богов, где вы!

Ibid. 952–953:

ΙΟ. Ἄκουε τᾶνδρὸς τοῦδε, καὶ σκόπει κλύων
τὰ σέμν' ἴν' ἤκει τοῦ θεοῦ μαντεύματα.

Выслушай этого мужа и посмотри, слушая, что такое на деле горделивые прорицания бога.

Между тем именно сообщение Гонца в конечном итоге приносит оракулам полное подтверждение.

Ранее мы говорили, что при трактовке ὡς как целевого оказывается, что Аристотель уделяет особое внимание намерениям Гонца. При понимании ὡς как имеющего сравнительное значение становится ясно, что для Аристотеля важны не столько намерения Гонца, сколько драматическая функция⁴⁶ его появления, которая состоит в том, что, придя, как благой вестник (таким, как мы пытались показать, видят его все герои, таким он должен представлять и перед зрителем), он, тем не менее, приближает катастрофу.

Таким образом, в обоих примерах перипетии ὡς *cum participio futuri* указывает на представляющееся вероятным направление развития действия,⁴⁷ на то, каким кажется действие и его вероятный результат:

⁴⁶ Это соображение подсказал нам С. А. Тахтаджян.

⁴⁷ Сходное развитие – от намерения к предположению относительно будущего – претерпело значение глагола μέλλω. Дж. Джонс (J. Jones. *On Aristotle and Greek Tragedy* [London 1962] 48–49), анализируя употребление этого глагола в “Поэтике”, там, где речь идет о предполагаемой катастрофе, которая в последний момент предотвращается узнаванием, приходит к выводу, что μέλλειν здесь следует переводить не как *to intend* (как это делает, например, Элс), а как *to be in the point of doing something*, т. е. если в 14. 1454 а 5–7 (ἐν τῷ Κρεσφόντῃ ἢ Μερόπῃ μέλλει τὸν υἱὸν ἀποκτείνειν, ἀποκτείνει δὲ οὐ, ἀλλ' ἀνεγνώρισε) перевод *to intend* в принципе мог бы быть возможен. то

Гонец кажется принесшим добрую весть, Линкей кажется обреченным. Причем, как и русское безличное “кажется”, ὡς cum participio futuri не выражает ожидания или намерения какого-нибудь одного персонажа или зрителей: оно выражает общее ложное впечатление, которое создает та или иная сцена.

Все эти соображения подтверждают, как представляется, гипотезу Корнфорда⁴⁸ о том, что слова καθάπερ εἴρηται в определении перипетии отсылают к *Poet.* 9, 1452 a 4, где сказано, что действие трагедии должно развиваться παρὰ τὴν δόξαν δι’ ἄλληλα (весь этот отрывок см. выше). О значении этих слов в науке издавна ведутся споры. Основная трудность состоит в том, кому следует приписывать упомянутую здесь δόξα – герою или зрителю. Если мы будем говорить только об ожидании или мнении героя, остается непонятным, почему его нарушение должно вызывать страх и сострадание у зрителя.⁴⁹ Однако сводить δόξα к ожиданию зрителя по поводу исхода событий было бы определенным упрощением, прежде всего потому, что человеку, знающему миф, исход трагедии, основанной на мифологическом сюжете, должен быть в общих чертах известен.⁵⁰ Кроме того, если под развитием действия παρὰ τὴν δόξαν мы не подразумеваем ложного мнения героя, которое опровергается в ходе действия, мы утратим связь этого места с мотивом незнания героя, столь важным для “Поэтики”.⁵¹ Вспомним

в 14, 1455 b 8–9 (ἐλθὼν δὲ καὶ ληφθεὶς θύεσθαι μέλλων ἀνεγνώρισεν) он не дает никакого смысла (как в нашем случае перевод конструкции ἀγόμενος ὡς ἀποθανοῦμενος со значением цели). – А. К. Гаврилов и Е. Л. Ермолаева указали автору на ряд интересных параллелей из европейских языков, когда конструкция со значением будущего времени развивается из конструкции со значением намерения. Таково новогреческое θέα, произошедшее от древнего ἐθέλω, английское will, родственное существительному the will “воля”, английское to be going to, первоначально имевшее значение намерения, но в современном языке обозначающее предположение относительно будущего и применяющееся даже к неодушевленным предметам (например, this stone is going to fall), немецкое wollen, которое может иметь значение вероятного действия в будущем и относиться к неодушевленным предметам. Русский союз “чтобы” тоже может терять свое целевое значение и указывать лишь за следование одного события за другим (“уехал, чтобы вскоре вернуться” в смысле “уехал и вскоре вернулся”). Эти примеры, на наш взгляд, позволяют говорить о семантической универсалии.

⁴⁸ Glanville. *Op. cit.*, 73–74

⁴⁹ На этом основании приписывают δόξα зрителю А. Ничев (А. Ničev. *L'énigme de la catharsis tragique dans Aristote* [Sofia 1980] 56) и Дж. Элс (*Aristotle's Poetics*, 330).

⁵⁰ На эту трудность указывает Н. Каул (N. Kaul. *Der Zufall und die Theorie des tragischen Handlungsablaufes bei Aristoteles* [Köln 1965] 126).

⁵¹ Настойчивое повторение этого мотива в “Поэтике” дает Элсу (*Aristotle's Poetics*, 421) возможность утверждать, что для Аристотеля “the ultimate root of tragic is ignorance”.

хотя бы о понятии ἀναγνώρισις – узнавание – тесно связанном у Аристотеля с перипетией.⁵² При этом основным свойством ἀναγνώρισις оказывается то же сочетание неожиданности и внутренней логичности, которое мы видим и в словах παρὰ τὴν δόξαν δι' ἄλλα, и в определении перипетии (там Аристотель подчеркивает, что перипетия должна происходить κατὰ τὸ εἰκὸς ἢ ἀναγκαίον). Наилучший ἀναγνώρισις – разумеется, опровергающий ложное мнение героя – также должен являться прямым следствием предшествующих событий (Arist. *Poet.* 16, 1455 a 16–17):

πασῶν δὲ βελτίστη ἀναγνώρισις ἢ ἐξ αὐτῶν τῶν πραγμάτων τῆς ἐκπλήξεως γιγνομένης δι' εἰκότων οἷον ἐν τῷ Σοφοκλέους Οἰδίποδι καὶ τῇ Ἴφιγενείᾳ.

Но лучшее из узнаваний – то, что вытекает из самих событий, когда потрясение происходит из-за правдоподобных <обстоятельств>, как, например, в “Эдипе” Софокла и в “Ифигении”.

Кроме того, классифицируя в гл. 14 (1453 b 26 – 1454 a 9) действия героев трагедии по признаку осознанности или неосознанности, Аристотель отдает явное предпочтение действиям, совершенным в незнании. Согласно принятой ныне трактовке, основанной на сопоставлении с *EN* 1135 b 11–16, ἀμαρτία, которую Аристотель считает причиной несчастья трагического героя (*Poet.* 13, 1453 a 7–12), также должна пониматься как “ошибка, явившаяся следствием незнания”.⁵³

Таким образом, если трактовать δόξα в 9, 1452 a 4 как “мнение зрителя” (к чему подталкивает упоминание здесь же его эмоций – страха и сострадания), то нужно понимать здесь мнение зрителя в некоем специфическом смысле, отличном от мнения об исходе событий (оно у человека, знающего миф, не может быть ложным); кроме того, чтобы не была утрачена связь с общим контекстом “Поэтики”, опровержение этого ложного мнения зрителя должно совпадать с опровержением ложного мнения героя.⁵⁴

⁵² О связи παρὰ τὴν δόξαν и ἀναγνώρισις см. Kaul. *Der Zufall*, 86–106.

⁵³ Else. *Aristotle's Poetics*. 418–421; М. Л. Гаспаров. Сюжетосложение античной трагедии // *Новое в современной классической филологии* (М. 1979) 126–166. особ. 131; Аристотель. Поэтика. Пер. и комм. М. Л. Гаспарова // *Аристотель и античная литература* (М. 1978) 131.

⁵⁴ Лукас (D. W. Lucas. Pity, Terror and Peripeteia // *CQ* 12 [1962] 52–62), комментируя это место, также пытается примирить представления о ложном мнении героя или зрителя. иля при этом с другого конца – от обманутого ожидания героя: “if one has to be chosen to the exclusion of the other, the expectation of the characters must be intended, but further to suggest that Aristotle made no clear distinction between the two, because it was

Все эти соображения позволяют думать, что Аристотель, говоря о развитии действия *παρὰ τὴν δόξαν*, подразумевает не ожидание, связанное с сюжетной линией (которая может быть в общих чертах известна зрителю из мифа), но ожидание типичных, обычных следствий, которые, в согласии с опытом, должны проистекать из событий, происходящих на сцене. Можно согласиться с мнением Корнфорда⁵⁵ о том, что ключом к словам *παρὰ τὴν δόξαν* является следующее за ними *δι’ ἄλλα*, т. е. неожиданной является сама причинно-следственная связь событий. На это указывает следующее за этими словами замечание Аристотеля о том, что даже из числа совершенно случайных событий наиболее удивительными кажутся те, в которых можно заподозрить причинно-следственную связь (*καὶ τῶν ἀπὸ τύχης ταῦτα θαυμασιώτατα δοκεῖ ὅσα ὥσπερ ἐπίτηδες φαίνεται γεγόνενα*); такова смерть убийцы Мития из Аргоса, на которого упала статуя его жертвы⁵⁶ (*ἔοικε γὰρ τὰ τοιαῦτα οὐκ εἰκῆ γίνεσθαι*). Подтверждает нашу мысль и приведенная выше цитата о наилучшем виде *ἀναγνώριστις* (*Poet.* 16, 1455 a 16–17), эмоциональный эффект которого достигается именно благодаря “вероятности” событий (*δι’ εἰκότων*), т. е. их строго выдержанной причинно-следственной связи.

Нарушение ожидания в таком общем смысле не противоречит, как мы видим, тому, что зритель, знакомый с мифом, в общих чертах представляет себе исход событий. Например, зритель знает, что Линкей должен остаться в живых и основать аргосскую династию, однако *δόξα* зрителя – представление о наиболее вероятном, типичном развитии ситуации – подсказывает ему, что когда один человек уводит другого на казнь – или на суд, исход которого предрешен – погибнет, видимо, последний, а первому опасаться нечего. Кроме того, мнение о вероятном, обычном развитии событий объединяет зрителя и героя, и то, что оказывается *παρὰ τὴν δόξαν δι’ ἄλλα* для зрителя, тем более противоречит мнению героя. Для героя ложная *δόξα* оказывается причиной *ἀμαρτία* и катастрофы; для зрителя ее разрушение – основа эмоционального эффекта трагедии.

generally assumed that the audience watching a play shares to a great extent the experience of the characters in the drama” (52).

⁵⁵ Glanville. *Op. cit.*, 77.

⁵⁶ Элс (*Aristotle's Poetics*, 331–337) считает этот пример “неслучайной случайности” интерполяцией в текст “Поэтики”, основанной на изложении той же истории в *De sera numinis vindicta* Плутарха (8, 553 sqq.). Однако мы считаем убедительной аргументацию Н. Каула в пользу подлинности этого места (N. Kaul. *Der Zufall*, 129–131): как показал Каул, этот отрывок очень хорошо согласуется с тем, что Аристотель пишет о случайности в “Физике” (*Phys.* II, 4–6. 195 b 31 – 198 a 13).

Именно связь *περιπέτεια*, с одной стороны, и развития событий *παρὰ τὴν δόξαν*, с другой, с эмоциональным эффектом трагедии – страхом и состраданием – является еще одним доказательством близости этих понятий. В 9, 1452 a 1–4 сказано, что действие, развивающееся *παρὰ τὴν δόξαν δι' ἄλληλα*, в наибольшей степени вызывает страх и сострадание. О перипетии же и узнавании сказано, что в основном именно благодаря им трагедия достигает своего эмоционального эффекта⁵⁷ (Arist. *Poet.* 6, 1450 a 33–35):

πρὸς δὲ τοῦτοις τὰ μέγιστα οἷς ψυχαγωγεῖ ἡ τραγωδία τοῦ μύθου μέρος ἐστίν, αἶ τε περιπέτεια καὶ ἀναγνώρισις.

Сверх того, главное, чем увлекает трагедия – части сюжета, перипетии и узнавания.

Под *ψυχαγωγεῖν* здесь, собственно, подразумевается “вызывать страх и сострадание”: Аристотель не предполагает у трагедии другого эмоционального эффекта. Кроме того, говоря о наилучшем построении сюжета, при котором узнавание совпадает с перипетией, Аристотель замечает (Arist. *Poet.* 11, 1452 a 37 – b 3):

ἡ γὰρ τοιαύτη ἀναγνώρισις καὶ περιπέτεια ἢ ἔλεον ἔξει ἢ φόβον (οἷων πράξεων ἢ τραγωδία μίμησις ὑπόκειται)...

Ибо такое узнавание и перипетия будут вызывать или сострадание, или страх, а трагедия есть подражание таким (scil. вызывающим страх и сострадание) действиям...

Но природа эмоционального эффекта *περιπέτεια* и *παρὰ τὴν δόξαν* оказывается еще ближе: и то, и другое вызывает не только страх и сострадание, но и удивление, является *τὸ θαυμαστόν*. Относительно *παρὰ τὴν δόξαν δι' ἄλληλα* Аристотель говорит, что такие события удивительнее, чем простая случайность (9, 1452 a 3–5 *τὸ γὰρ θαυμαστόν οὕτως ἔξει μᾶλλον ἢ εἰ ἀπὸ τοῦ αὐτομάτου καὶ τῆς τύχης*). В “Риторике” же перипетия названа в числе вещей, рассказы о которых удивительны, а потому доставляют удовольствие⁵⁸ (Arist. *Rhet.* 1, 11, 1371 b 10–12):

καὶ αἶ περιπέτεια καὶ τὸ παρὰ μικρὸν σώζεσθαι ἐκ τῶν κινδύνων πάντα γὰρ θαυμαστά ταῦτα.

И перипетии, и спасение из опасностей в последний момент [доставляют удовольствие слушателю]; ведь все это вызывает удивление.⁵⁹

⁵⁷ Этот аргумент в пользу связи *παρὰ τὴν δόξαν δι' ἄλληλα* с перипетией приведен в статье Гланвилля (Glanville. *Op. cit.* 73).

⁵⁸ Эта параллель указана в статье Гланвилля (Glanville. Note. 78).

⁵⁹ Коуп (The *Rhetoric* I, 219) справедливо видит здесь в *περιπέτεια* terminus technicus, раскрытый в “Поэтике”.

Чтобы понять мысль Аристотеля, обратимся к тому месту “Метафизики” (I, 2, 982 b 12–21),⁶⁰ где Аристотель говорит о происхождении философии. По мнению Аристотеля, именно удивление явилось некогда источником философии (διὰ γὰρ τὸ θαυμάζειν οἱ ἄνθρωποι καὶ νῦν καὶ τὸ πρῶτον ἤρξαντο φιλοσοφεῖν), ибо люди начали заниматься философией, дабы избежать незнания, а удивление есть сознание своего незнания (ὁ δ’ ἀπορῶν καὶ θαυμάζων οἴεται ἀγνοεῖν).

Когда действие, развивавшееся, казалось, в совершенно определенном направлении, внезапно поворачивает в перипетии в противоположную сторону, зритель начинает сознавать свое незнание: он понимает, что его привычное представление о вероятных причинно-следственных связях событий не было безусловно верным. Источник удивления, которое вызывает у нас перипетия, – именно нарушение этой δόξα, основанного на жизненном опыте привычного представления о том, какое событие может стать следствием какого. И здесь, конечно, очень важна строгая причинно-следственная связь событий: противоречат сложившемуся мнению не сами события (о них в общих чертах может рассказывать миф), а именно характер их связи, когда одна из противоположностей становится следствием другой (ἢ εἰς τὸ ἐναντίον τῶν πραττομένων μεταβολή).

Теперь можно позволить себе осторожное предположение о том, каким образом это удивление связано со страхом и состраданием. Ведь в *Poet.* 9, 1452 a 1–10 слова τὸ γὰρ θαυμαστὸν οὕτως ἔξει μᾶλλον синтаксически оформлены как объяснение *причины* того, что события, развивающиеся παρὰ τὴν δόξαν, вызывают страх и сострадание.

Аристотель говорит в “Поэтике”, что мы боимся “за подобного нам” (φόβος δὲ περὶ τὸν ὅμοιον – *Poet.* 13, 1453 a 5–6). Причины этого разъясняются в “Риторике” (II, 1383 a 8–12): когда человек слышит о том, как пострадал некто, подобный ему, он начинает бояться за себя, особенно если тот человек пострадал от тех, кого не боялся, тогда, когда не предполагал и в том, в чем не ожидал (καὶ ὑπὸ τοιούτων ὑφ’ ὧν οὐκ ᾤοντο, καὶ ταῦτα <ᾗ> καὶ τότε ὅτε οὐκ ᾤοντο).⁶¹ Читатель или слушатель, по мнению Аристотеля, должен рассуждать так: “Раз я подобен этому человеку и, как и он тогда, не ожидаю сейчас ничего дурного, значит, я могу оказаться в такой же ситуации, что и он”. Слуша-

⁶⁰ Glanville. Note. 78.

⁶¹ На это место “Риторики” в связи с φόβος в “Поэтике” обращают внимание Э. Бельфьоре (*Tragic Pleasures: Aristotle on Plot and Emotion* [Princeton 1992] 133) и А. Нехамас (А. Nehamas. *Pity and Fear in the Rhetoric and the Poetics // Aristotle's Rhetoric: Philosophical Essays*. Ed. D. Furley [N. Y. 1994] 257–282, esp. 271).

тель и герой рассказа оказываются подобны также в своем неведении опасности.

В трагедии же зритель, понимая в момент перипетии, что его привычные представления о вероятных причинно-следственных связях – его δόξα – не имеют универсальной значимости и могут оказаться неверными, удивляется, т. е. сознает свое незнание. В то же время и герой пострадал из-за своего незнания – таков, по-видимому, смысл аристотелевского термина ἀμαρτία. Зритель – более не уверенный в своей δόξα, осознающий, что и с ним может произойти нечто подобное, – должен чувствовать страх. Таким образом, когда Аристотель пишет, что герой должен быть подобен нам, он имеет в виду не только то, что герой не слишком добродетелен и не вполне порочен, а, как и мы, оказывается где-то посредине (ὁ μεταξὺ τούτων – *Poet.* 13, 1453 a 7–10), но и то, что мы подобны герою в ненадежности нашего знания о мире.

В этом же, видимо, находил Аристотель источник ἔλεος – сострадания. Аристотель пишет в “Риторике”, что человек сострадает тем несчастиям, которые, как он предполагает, могут случиться и с ним (*Rhet.* II, 1385 a 15: ὁ κὰν αὐτὸς προσδοκῆσειεν ἄν παθεῖν). Мы сострадаем другому только тогда, когда боимся за себя (*Rhet.* II, 1382 b 25–26, 1386 a 25–29). Более того, здесь же Аристотель пишет, что мы испытываем сострадание, “когда начинается что-то хорошее, а выходит что-то дурное” (*Rhet.* II, 1386 a 12: ἀγαθὸν τι ὑπάρξει κακὸν τι συμβῆναι). Эти слова можно считать кратким определением перипетии. И это сострадание, как нам кажется, должно быть связано со страхом – с чувством ненадежности собственной δόξα.

В заключение надо сказать о неожиданном подтверждении, которое находит предположение о связи перипетии и παρὰ τὴν δόξαν в папирусных фрагментах *De poematis* Филодема из Гадары. В одном из фрагментов кн. V Филодем пишет (*Philod. De poematis* V, 36, 21–29):

εὐοκασιν <δὲ> τὰ πολλὰ τῶν εὐτελῶν περιπετεῖαις καὶ παρὰδοξολογίαις καὶ παθητικαῖς λόγοις κινουμένητα προκρίνειν τῶν ἄκρως μὲν πεποιημένων, ἥκιστα δὲ ταῦτα προσφερομένων.⁶²

Похоже, что они предпочитают многие из слабых произведений, впечатляющих множеством перипетий, нарушений обычного хода событий (παρὰδοξολογίαις) и страстных речей, тем, которые сделаны в совершенстве, но меньше всего предоставляют такие вещи.

⁶² Мы принимаем текст Ч. Мангони (*Filodemo. Il quinto libro della Poetica*. Ed., trad. e comm. C. Mangoni [Napoli 1993] 162).

Слово περιπέτεια, как отмечает уже Мангони, указывает на то, что те, с кем здесь спорит Филодем – перипатетики.⁶³ Здесь, как видим, περιπέτεια и παραδοξολογία упомянуты как близкие понятия. Так понимал их и Филодем, и, по-видимому, те, с кем он здесь спорит.

Итак, мы фактически ответили на вопрос, что же обращается в свою противоположность в перипетии. На противоположное обращается общее направление развития действия,⁶⁴ которое зрителю, исходя из его δόξα, казалось ясным и предсказуемым.

Таким образом, определение перипетии, приведенное в начале статьи, следует, по нашему мнению, понимать и переводить так:

Перипетия есть переход действия в свою противоположность, в соответствии с тем, что было сказано (т. е. когда события происходят одно вследствие другого вопреки мнению – *Poet.* 9, 1452 a 1–10. – З. Б.); и это должно происходить, как мы говорим, по вероятности или необходимости. Например, в “Эдипе” <гонец,> придя как тот, кто обрадует Эдипа и избавит его от страха, касающегося матери, достиг обратного, дав ему понять, кто он такой; и в “Линкее” героя уволят, как обреченного на смерть, а Данай следует за ним, как тот, кто убьет его; но, вследствие предшествующих событий, одному (Даная) пришлось умереть, а другому (Линкею) удалось спастись.

З. А. Барзах

Санкт-Петербургский университет

The definition of περιπέτεια (*Poet.* 11, 1452 a 21–29) is one of the most difficult passages in Aristotle’s *Poetics*. The main points of contention, closely connected to each other, are the following: How should we understand ἡ εἰς τὸ ἐναντίον τῶν πραττομένων μεταβολή? What “changes to the opposite” in περιπέτεια? To which part of the *Poetics* do the words καθάπερ εἴρηται at the beginning of the definition refer?

The regular final meaning of the construction ὡς *cum participio futuri* would be inappropriate in both examples of περιπέτεια given by Aristotle. In *Oedipus Rex* the Messenger is said to come ὡς εὐφρανῶν τὸν Οἰδίπουν καὶ ἀπαλλάξων πρὸς τὴν μητέρα φόβου, though he could not have known about Oedipus’ anxieties; in the example from Theodectes’ *Lynceus* the phrase ἀγόμενος ὡς ἀποθανούμενος

⁶³ C. Mangoni. *Op. cit.*, 320: “La menzione della περιπέτεια è un indizio dell’origine peripatetica della *doxa*”.

⁶⁴ Здесь мы согласны с мнением Корнфорда, изложенным в статье Гланвилля (Glanville. *Op. cit.*, 75).

cannot mean, that the hero had aimed to die. We think ὡς *cum participio futuri* to have there (as, e. g., in Soph. *OT* 625, Synes. *Epist.* 113, 13–19) a comparative meaning: “as if...”, “in such way, that it seems, that...” The Messenger came, “as if he would bring joy and freedom from fears”, and Lynceus left the stage, “as if he would die”, but the course of events led to the opposite.

The appearance or the common opinion expressed by “as if”, “as it seems”, can be identified with δόξα, *consensus omnium*, against which the plot of the best tragedies must develop, according to *Poet.* 9, 1452 a 1–10. Therefore, we must consider καθάπερ εἴρηται at the beginning of the definition as a reference to this passage.

Finally, while περιπέτεια is violation of δόξα or *consensus omnium* about a possible outcome of a certain event, what changes to the contrary in περιπέτεια is the direction of the development of events that seems to be possible. The Messenger seems to bring good news – but his words results in a final catastrophe. Everything seems to lead to Lynceus’ death – but finally he survives and kills his enemy. What seemed to lead to one outcome leads to the opposite – that is what Aristotle meant by ἡ εἰς τὸ ἐναντίον τῶν πραττομένων μεταβολή.